

Многовекторность – концептуальный фундамент внешнеполитической доктрины РК

Впервые термин «многовекторность» появился во внешнеполитическом лексиконе Казахстана в первой половине 90-х годов прошлого столетия. 2 декабря 1991 года на пресс-конференции по итогам президентских выборов Н. Назарбаев впервые очертил контуры внешней политики. На вопрос об ориентации Казахстана на Восток или Запад Президент заявил об открытости государства и отметил, что «Казахстан в силу своего геополитического положения и экономического потенциала не вправе замыкаться на узко региональных проблемах. Это было бы непонятно не только у нас в стране, но и за ее пределами. Будущее Казахстана и в Азии, и в Европе, и на Востоке и на Западе. Взаимопонимание между Востоком и Западом зиждется на знании особенностей друг друга и содержит в себе огромные возможности, которые предстоит обратить на благо наших стран и народов. Проводя именно такую политику, мы сможем исключить какие-либо проявления угрозы безопасности Казахстана. Мы сможем укрепить благоприятные внешние условия экономическим и политическим преобразованиям в нашей стране» [127, с. 510]. Как видно из текста сам термин «многовекторная внешняя политика» не употребляется, а передается его смысловая конструкция. Также его нет в тексте «Стратегии становления и развития Казахстана как суверенного государства» от 1992 года. Но именно в ней объявляются направления внешнеполитических усилий Республики в определенной очередности, которую возглавляют Россия и Китай.

Н.А. Назарбаев выступая на расширенной коллегии МИД РК 11 сентября 1996 года подтвердил, что «в свое время верно был определен многовекторный характер международной политики страны». Касымжомарт Токаев, бывший министр иностранных дел РК, говоря о начальных этапах формирования внешней политики страны, совершенно ясно подчеркивает, что именно на первом этапе - декабрь 1991-1993 гг. «был сформулирован принцип многовекторности дипломатии Казахстана, который сегодня является стержнем внешнеполитической деятельности страны». Но в первой половине 90-х годов проблемы политики многовекторности в научной литературе Казахстана не рассматривались. Многовекторности предшествовали ныне забытые идеи о «концентрических кругах» во внешней политике Казахстана. Казахский политолог У. Касенов в 1993 году анализирует внешнюю политику РК с точки зрения «концентрических кругов, расходящихся по воде – от центра к периферии». Первый круг - установление особых отношений с Россией; второй - поддержание дружеских связей с соседями по Центральной Азии с тем, чтобы сохранять паритет с Китаем и Россией; третий круг – государства Азии; четвертый – установление устойчивых связей с Китаем; пятый круг – Япония, США и страны Европы [116, с. 27].

В казахстанской научной мысли о внешней политике государства мнения о сроках становления политики многовекторности расходятся.

Известный политолог М. Т. Лаумуллин считает, что: «Как ни парадоксально, объявленная многовекторной внешняя политика РК в первой половине того десятилетия таковой в реальности не являлась. Она была скорее дуалистичной, политикой балансирования между Россией и Америкой, Западом и СНГ. Многовекторность нашей внешней политике придали такие факторы, как появление Китая в качестве серьезного игрока в Центральной Азии, проведение Казахстаном самостоятельной политики в отношении других центров силы и региональных держав во второй половине девяностых годов. Но по-настоящему многовекторной наша внешняя политика стала в новом столетии, то есть в последние годы, благодаря укреплению государственности, экономическому росту, завоеванию Астаной лидирующих позиций в Центральной Азии и в целом на постсоветском пространстве. События последнего года показали, что Казахстан действительно способен проводить реальную многовекторную, и при этом самостоятельную политику на различных уровнях мировой арены» [131, с.227].

Известный казахстанский исследователь международных отношений Б.К. Султанов считает, что в первом периоде становления «В основу внешней политики Казахстана как государства, занимающего срединное положение на континенте между Европой и Азией, была выдвинута концепция "Евразийского моста". «Во второй период (вторая половина 1990-х годов) концепция "Евразийского моста" органично трансформировалась в доктрину "многовекторной дипломатии". В основу внешней политики был положен принцип многовекторности, согласно которому Казахстан развивает равноправные и диверсифицированные отношения по всем важным для страны направлениям: СНГ, Центральная Азия, Восток и Запад, Европа и Азия, мусульманский мир, АТР, индустриальные державы [110, с.9-11].

Притом, что о многовекторности много говорят и пишут в официальных документах государства, научных работ, в которых бы она исследовалась как явление во внешней политике, опубликовано мало. Исключение составляют статьи М.Т. Лаумулина, такие как «Многовекторность внешней политики Казахстана - плюсов больше, чем минусов» и «Триумф многовекторности: Казахстан выиграл борьбу за репутацию». Казахский политолог К.Л. Сыроежкин опубликовал статью на данную тему «В плену обстоятельств (эпоха многовекторности внешней политики подошла к своему логическому завершению)». Проблема многовекторности затрагивается в работах Ж.У. Ибрашева, Б.К. Султанова и М.Ш. Губайдуллиной.

Основываясь на отдельных замечаниях политиков, экспертов и исследователей по проблемам внешней политики РК, на анализе реалий внешнеполитической деятельности других постсоветских государств, избравших принцип многовекторности, можно предположить, что под многовекторностью подразумевается независимая, самостоятельная, свободная внешняя политика конкретной страны, отличительной чертой которой является сбалансированное и равномерное отношение одновременно с разными важными центрами сил и основными мировыми и региональными

игроками. Многовекторная политика демонстрирует наибольшее влияние внешних факторов на процесс формирования внешней политики отдельно взятой страны. Единовременное и равномерное отношение с важными центрами сил и основными мировыми и региональными игроками требует очень тонкого и гибкого маневрирования, искусной игры. Практика последних лет показывает, что не всем государствам на постсоветском пространстве удалось отстаивать и развивать принцип многовекторности во внешней политике. Многие новообразованные суверенные государства, не выдержав сильного давления со стороны геополитических центров, не смогли придать своей многовекторной внешней политике реальное содержание, как Украина, Молдова, Грузия, Кыргызстан и т.д.

Несмотря на это, выбор многовекторной внешней политики для большинства бывших советских республик в 90-ые годы и позже был единственным верным способом, методом и средством выживания и гарантом от диктата других государств, а также возможностью максимально ослабить свою зависимость от них.

Казахстанский политолог и политический деятель Е. Ертысбаев пишет: «Собственно говоря, многовекторная внешняя политика Казахстана – это не субъективное желание или «доктрина» Нурсултан Назарбаева, а скорее – следствие географического расположения молодого независимого государства, появление новой геополитической реальности в мировой политике – Центральной Азии» [127, с. 462]. Здесь автор отмечает базовое содержание данной внешнеполитической доктрины. Содержание многовекторной внешней политики обширно и она наряду с физико-географической рефлексией является «ответом» нового субъекта международных отношений на «вызовы» сложной, непредсказуемой международной среды.

В основе многовекторной внешней политики РК лежит учет геополитических реалий вокруг молодого независимого государства, охватывающих как физико-географические, пространственные параметры место расположения страны и внутренние, внешние угрозы существованию государства, сложную, порою запутанную комбинацию интересов и действий внешних сил.

Над Казахстаном и ее внешней политикой довлеет геополитическая характеристика региона ее места расположения, доведенная в мировой геополитической мысли до романтизма. Еще Маккиндер выдвигал идею осевого региона мировой политики, так называемого «хартленда», который он располагал во внутреннем пространстве Евразии. Позднее основатели идеи евразийства (Н. Трубецкой, Л. Карсавин, Л. Гумилев) также отмечали особое положение континентальной части Евразии как органически скрепленной историей, географией и культурой единства народов, населяющих это пространство [96, с. 20].

Вплоть до Великих географических открытий регион был ключевой осью континента, соединяющей посредством Великого Шелкового пути страны Дальнего Востока с Европой, Средним и Ближним Востоком, Южной

Азией. Взаимное проникновение в регион и столкновение интересов Британской и Российской колониальных империй в XIX в. современники называли «Great Game» («Большой игрой»). Следует также остановиться на таком явлении экономики Центральной Евразии, которое некоторые западные экономисты называют «policy versus geography» (политика против географии). Негативный характер на развитие экономики региона всегда оказывали сведенные воедино и усиливающие друг друга факторы: суровый климат, географические размеры, преобладание наземного транспорта над водным. Совокупность этих факторов всегда приводила к тому, что государство брало на себя руководство экономикой, то есть политическое начало брало верх над экономической целесообразностью [114, с. 16].

Геополитическая значимость региона оценивается не только с точки зрения экспортных отраслей. Если брать шире - регион расположен между Западной Европой и Россией, с одной стороны, и Китаем, Индией, новыми индустриальными странами Юго-Восточной Азии, с другой стороны. В глобальном цивилизационном аспекте – на стыке трех суперцивилизаций (по С. Хантингтону) или суперэтнотосов (по Л. Гумилеву): христианской, буддийско-конфуцианской, мусульманской [130, с. 197].

Главной интригой всей «большой геополитической игры» вокруг Центральной Евразии является идея о том, насколько реальна внутренняя интеграция континента и сможет ли она остановить набравшие скорость центробежные процессы. Если представить континент в виде комбинации геометрических фигур, то можно заметить, что Евразия представляет собой эллипс или своеобразную распорку (дугу), поддерживающую грозди трапеций, треугольников и окружностей различных интеграционных образований, растянувшихся по периферии. Исторически сложилось, что именно этот эллипс представляет собой наиболее уязвимый, с точки зрения плотности населения и прочности хозяйственно-географических связей, элемент евразийской модели.

На Центральную Евразию, как на дугу, поддерживающую весь континент, оказывают оттягивающее давление несколько менее крупных с географической и геополитической точек зрения интеграционных образований. Наиболее крупные из этих союзов, от которых идут и наиболее сильные импульсы, лежат на крайнем западе континента - в Европе и крайнем востоке - в АТР. Развитие внутренней интеграции в Центральной Евразии при параллельном процессе внешней интеграции является неприемлемым условием развития региона. Но необходима такая интеграция, которая позволит Евразии остаться самой собой, то есть цельным геополитическим феноменом, а не аморфной конфигурацией изолированных друг от друга и зависящих от соседних, более успешных интеграционных союзов, регионов [114, с. 18].

М. С. Ашимбаев к числу геополитических факторов, влияющих на политику Казахстана, причисляет наличие сырьевых ресурсов (нефть, газ, металлы), геостратегическое положение Казахстана (переплетение мировых сухопутных коммуникаций), расположение в зоне столкновений цивилизаций

(так называемый «цивилизационный фактор»), геополитически сложное окружение [120, с. 55].

Географическое расположение, экономические и военно-политические интересы, а также существующий потенциал определили место Казахстана в системе современных международных отношений как крупного евразийского государства, заинтересованного в создании в своем окружении зоны добрососедства на принципах взаимной безопасности, уважения суверенитета, территориальной целостности [301].

Вместе с тем, географическое положение государства имеет и свои минусы: отсутствие прямого выхода к морским коммуникациям, дисперсность населения, относительно малый объем экономики по сравнению с размерами территории.

Геостратегия Республики определяется, прежде всего, теми изменениями, которые проистекают в современном мире. Одним из главных ее направлений является обеспечение безопасности как одна из самых актуальных проблем современности. В условиях глобализации эскалация напряженности в любом уголке планеты неминуемо сказывается на всей системе международных отношений, поэтому мировое сообщество и, Казахстан в частности, всеми силами стремятся к мирному урегулированию существующих противоречий. По мнению Б. К. Султанова, при анализе геополитических условий обеспечения безопасности РК необходимо учитывать следующие факторы: Во-первых, нет ни одного государства, которое бы угрожало безопасности и национальным интересам РК. Во-вторых, РК смогла урегулировать территориально-пограничные вопросы по всему периметру своей государственной границы. Кроме того, РК имеет тесные партнерские отношения как со своими соседями, так и с ведущими мировыми державами [112, с.36]. Ж. А. Байсалбаева рассматривая вопрос геополитических условий обеспечения безопасности в свете внешнеполитического курса США, направленного на борьбу с международным терроризмом и ставящего под сомнение принцип невмешательства во внутренние дела государств, приходит к выводу, что геополитическая маневренность всех центральноазиатских государств, в том числе и Казахстана, будет ограничена, как результат столкновения геополитических интересов великих держав в регионе [302, с. 27].

В целом, рассуждения казахстанских исследователей о причинах многовекторности во внешней политике РК сводятся к выделению следующих факторов:

1. Расположение РК на обширной территории между двумя крупными державами, как РФ и КНР;
2. Незащищенные границы и нерешенные пограничные проблемы;
3. Отсутствие прямого выхода к мировым морским коммуникациям, доступ к которым возможен лишь через территории сопредельных государств;
4. Давление мировых центров сил и региональных держав;
5. Богатейшие природные ресурсы, на которые присматривались близкие и дальние соседи;

6. Относительно малый объем казахстанской экономики по сравнению с размерами территории;

7. Военная слабость;

8. Рассредоточенность (дисперсность) населения.

Также как причиной, так и самой логикой проведения многовекторной политики служит цивилизационный фактор, который в последние десятилетия требует к себе пристального внимания со стороны государств. Казахстан в силу своего месторасположения вовлекается в обширные взаимодействия с различными субъектами международных отношений, которые представляют многообразные социумы, обладающие индивидуальным культурологическим содержанием. В наиболее общей форме основные акторы международных отношений соотносятся с духовными наследиями так называемых Востока и Запада.

Только построение соответствующей теоретической модели межцивилизационных отношений, что подразумевает под собой систематизацию основных аспектов контактов различных цивилизаций, поможет в проведении многовекторной внешней политики. Среди этих ключевых моментов выделяются 4 направления – вектора, по которым происходит развитие внешнеполитического сотрудничества Казахстана:

- реляции Исламской цивилизации (в историографическом аспекте Мусульманская Золотая Орда, в состав которой входила территория нынешнего Казахстана и в качестве Казахского ханства выделившаяся как предтеча нашей государственности) и Православной цивилизации (Российское государство);

- отношения Исламской и Китайской цивилизаций (с точки зрения культурологии и через призму таких древних феноменов, как нomaдизм, оказавший ощутимое влияние на развитие Китая);

- взаимодействие Исламской и Западной цивилизаций (Европейский Союз, США) и его влияние на процессы модернизации казахстанского социума;

- Мусульманский вектор (страны Мусульманского сообщества демонстрируют динамизм во внешней политике, рост экономической активности) [32, с. 16-18].

При этом следует учитывать, что отсутствуют как жесткое разделение между цивилизациями, так и единство внутри цивилизаций. Хотя в современном мире во все большей степени действуют межцивилизационные и нецивилизационные по природе механизмы, ядро культуры, цивилизации остается, так как представляет собой тот мир ценностей, который делает человека самим собой [32, с. 280-284]. Полиэтнический состав Казахстана, многовекторная дипломатия предполагают полномасштабные миротворческие акции, способные обеспечить конструктивные отношения как с Западом, так и с Востоком. К числу подобных мероприятий относятся Съезды лидеров мировых и традиционных религий, мусульмано-иудейский диалог, диалог между мусульманских и западных держав на уровне министров иностранных дел [303, с. 16]. Утверждение позиций Республики как центра межкультурного

и межконфессионального согласия является одним из приоритетных направлений государственной политики.

Многовекторная внешнеполитическая стратегия Казахстана предусматривает развитие отношений позитивного характера с государствами, представляющими основные направления глобального геополитического процесса. К числу этих направлений (векторов) следует отнести такие геополитические феномены, как Восток, Запад, Север и Юг. Необходимо отметить, что данные феномены наполняются конкретным геополитическим содержанием. В частности, к Западу относятся северо-американские государства (США и Канада) и их евроатлантические союзники, представленные странами Евросоюза. В геополитическом контексте Север традиционно соотносится с Россией, в то же время под Востоком подразумеваются Китай и другие дальневосточные страны (Япония, Республика Корея и другие). В классической геополитической науке Юг включает в себя мусульманские государства, Индию и другие государства, не относящиеся к Западу, Востоку и Северу. Развитие дружеских связей с государствами, соотносящимися с такими геополитическими феноменами, как Восток, Запад, Север и Юг определяет содержание многовекторной внешней политики. Таким образом, геополитика остается доминантой в формировании и реализации многовекторного внешнеполитического курса РК. Именно с этих позиций была предложена адаптированная Концепция внешней политики Республики, одобренная Советом Безопасности 15 марта 2001 года. Политика поддержания равных отношений со всеми странами мира претерпела некоторые изменения. «Внешняя политика Казахстана остается многовекторной и диверсифицированной, но сейчас эта многовекторность будет приобретать равновесность» [6].

Многовекторная внешняя политика РК обусловлена двумя факторами - геополитическим и цивилизационным. В основе казахстанской трактовки многовекторной политики лежат идеи евразийства, предполагающие многомерные и разноплановые взаимодействия между социумами на широких просторах евразийского мегаконтинента.

Концептуальное понимание политики многовекторности пополняется новым содержанием в контексте международных процессов. Неспособность США урегулировать международные отношения как центр власти в современном мире в рамках однополярного мира к середине первой декады XXI- века и вследствие этого открывшиеся перспективы установления многополярного мироустройства дали возможность по новому взглянуть на многовекторность. Логически получается что, внешняя политика, ориентированная на все возможные полюсы многополярного мира, каковой является многовекторность, наилучшим образом подходит к условиям баланса сил между основными центрами международных отношений. В своей приветственной речи Президент РК Н.А. Назарбаев на 6-м Евразийском медиафоруме в 2007 году по этому поводу отметил: «Многовекторность казахстанской внешней политики была призвана установить партнерские отношения со всеми основными полюсами влияния – Россией, Китаем, США,

ЕС, Индией, арабскими странами, странами юго-восточной Азии. И сегодня мы приближаемся к тому, чтобы все крупные международные акторы были заинтересованы в стабильном развитии Центральной Азии. Таким образом, казахстанская многовекторная внешняя политика ориентирована именно на новое концептуальное понимание многополярности» [304].

Что касается перспектив многовекторной внешней политики Казахстана, в рассуждениях об этом явлении преобладает мысль о его временности, переходности. РК и другие государства, проводящие такую политику, на заре суверенитета пытались преодолеть изоляцию от внешнего мира и войти в мировое сообщество, сохранив национальную идентичность. В итоговом документе международной конференции «Внешнеполитическая ориентация стран Центральной Азии в свете глобальной трансформации мировой системы международных отношений», проведенной в 2008 году в Бишкеке, пишется: «Принцип многовекторности, лежащий в основе внешнеполитической практики стран Центральной Азии, все более обнаруживают свои пределы. Многовекторность центральноазиатских государств во многом явилась следствием неготовности России после распада СССР выработать адекватную программу по развитию реально союзнических отношений в сферах экономики, политики и безопасности. В этих условиях другие игроки в регионе – США, ЕС, Китай продолжают форматировать регион, каждый в рамках своего понимания роли и места Центральной Азии в глобальном мире и, одновременно, остаются полюсами притяжения для стран Центральной Азии» [240, с.9-10]. С таким видением вопроса созвучны рассуждения К.Л. Сыроежкина: «...эпоха многовекторной внешней политики, по-видимому, подошла к своему логическому завершению. Это не означает, что нас начнут «принуждать к дружбе», речь идет о том, что приоритеты придется расставлять четче, а ответственность за заявленные и действия станет выше. Особенно, отчетливо это будет проявляться в конкуренции России и США за политические и экономическое влияния в регионе» [124, с.21]. Причины завершения эпохи многовекторности, по мнению автора, кроются не во внутригосударственных процессах, а изменениях в международной среде к концу первой декады XXI-века. Эти изменения касаются регулятивной роли международного права, деятельности международных организаций, обеспечивающих безопасность в регионе. Опасная ориентация на военный компонент силы государства, расширение сферы применения вооруженных сил, усиление активности внешних сил, в первую очередь, России и Китая в ЦАР могут поставить точку на политике многовекторности Казахстана и других центральноазиатских государств.

Многовекторная внешняя политика Казахстана, зародившаяся на заре казахстанской дипломатии, смогла поспособствовать укреплению суверенитета и государственности, вхождению страны в систему международных отношений и мирохозяйственных связей. Сегодня она приносит немалые дивиденды Республике, выражающиеся в поддержке и поощрении мирового сообщества. Председательство Казахстана в ОБСЕ в 2010 году является прямым результатом и логическим продолжением

многовекторной внешней политики Республики. Многие внутренние и внешние эксперты, специалисты в течение недолгой истории многовекторности задавались вопросом: «Сможет ли Казахстан усидеть сразу на нескольких стульях?». Нынешнее международное положение страны доказывает, что Казахстану удалось следовать намеченным принципам, составляющим основу многовекторности, войти в международное сообщество в качестве равноправного участника. Многовекторная политика РК, как бы ее не критиковали и критикуют отечественные и зарубежные специалисты, доказывает свою жизнеспособность и в условиях мирового экономического кризиса. Для преодоления кризиса необходимо наращивать международное сотрудничество во всех сферах и по всем направлениям, что созвучно логике многовекторной внешней политики.

Медеубаева Ж.М.